

ЭКСПЕДИЦИЯ ВО МРАК

I ЧАСТЬ – ПОДЗЕМНЫЙ МИР ПЛАНЕТЫ

2. ЭТОТ БЕЗЗАЩИТНЫЙ СУРОВЫЙ МИР

3. В ГОСТЯХ У ТРОЛЛЕЙ

Давно известно, что большинство подземных обитателей: гномов, хоббитов, троллей и других, им подобных, очень даже равнодушны к сокровищам земных недр.

И уж где еще привольнее чувствуют себя эти сказочные существа, как не в Восточном Казахстане, на Алтае, не спроста получившем название – Рудный.

Сегодня у нас дневка. Маршрут подходит к концу, накопилась усталость, но...

– Кто хочет идти за хрусталем? – инструктор нашей группы Нина Владимировна обводит глазами группу.

– Каким хрусталем?..

Мы сидим у дымного костра. Треск сучьев в огне сплетается с шумом реки. Наш лагерь разбит на поляне у слияния рек Бухтармы и Белой Берели.

– Горным хрусталем. Здесь рядом старинный рудник есть. Сохотушинским называется. Пойдем?

Можно ли удержаться от такого соблазна? Оказывается, можно. Лентяев всегда хватает. Часть группы остается на берегу, и вот мы, помахав на прощанье лежебокам, уже в пути.

Синевой стеной высится справа хребет: черные свечи пихт, заросли "березки" (как называют в этих местах труднопроходимый мелкорослый кустарник), папортники, травостой в рост на прогалинах и курумах – крупноглыбовых осыпях. Это Алтай.

Тропа лезет вверх. Погода, хмуро взиравшая на нашу вылазку, похоже, махнула на нас рукой и улыбнулась. И сразу просветлел лес, заискрилась дождевыми каплями трава. И насупленный распадок под гребнем, который оседлала тропа, уже не кажется таким неприветливым.

– Стойте, – говорит Нина Владимировна. – Вот, смотрите. Вон там,верху, между сосен!

Рыжая куча земли между стволами, похоже, глина. Ну, и что?..

Но тут отодвинулось облачко, пропустило солнечный луч. И тысячью огней засверкала бурая глиняная куча между соснами. Вопль восторга, и, забыв об усталости 10-километрового пути, бежим вперед.

И вот он на ладони – прозрачный кристаллик с точеными гранями, и в каждой – затаилась радуга. Встреча с таинством Природы – не на витрине музея или ювелирной лавки.

Дышит холодом натечного льда позабытая штольня. Брошенные у входа замшелые тачки, поржавелое кайло, расколотые кем-то когда-то глыбы кварца.

Соприкосновение с красотой и неизвестностью.

Был это 1969 год.

* * *

Двадцать лет спустя стоим, открыв рты, посреди обширного зала в одном из старинных особняков Софии. Сегодня это музей "Земля и люди". Осенью 1988 года, по окончании Первой болгарской международной школы по безопасности и спасению в пещерах, нас пригласил сюда Мартин Трантеев – коллега-спелеолог, сотрудник музея.

Помню, как заходим через служебный вход в зал и останавливаемся перед витриной с какими-то весьма посредственными на вид образцами.

– Ты оглянись, – говорит Мартин и улыбается.

– Сейчас, – отвечаю, рассматривая витрину. К музеям, особенно геологическим, я подхожу основательно.

– Ты назад посмотри! – настаивает наш гид.

Оборачиваюсь, и у меня отвисает челюсть. Весь зал уставлен фантастической величины кристаллами. Монокристаллы кварца и мориона – дымчатого хрусталя, выше роста высотой и два обхвата в окружности, усеянные фиолетовыми аметистами (в пару кулаков размером каждый!) каменные трубы, куда можно свободно пролезть человеку, еще какие-то сверкающие чудеса, явно похищенные у Сим-Сима!

Мозг не воспринимает увиденное. Друзы кристаллов слепят глаза. Мартин доволен.

А я вспоминаю свой первый, найденный на Сохотушке, кристалл горного хрусталя.

* * *

Если существует такого рода наследственность, то мое увлечение подземным миром – не случайность. Оно мне досталось по наследству.

Мои родители, Борис Александрович и Наталья Константиновна, начинали трудовой путь на свинцовом руднике "Бориева река" близ болгарского города Кырджали.

Здесь, в Болгарии, встретились они, потомки русских эмигрантов, чтобы соединить свои судьбы.

Прадед по отцу инженером строил Суэцкий канал. Бабушка по маме, Марина Алексеевна Александрович, вместе со своими родителями покидала Россию морем из Новороссийска в кровавом 20-м году.

В эмигрантской бедности прошло детство моих родителей. В Софии, под бомбежками авиации союзников, пережили Вторую Мировую войну. Ничего не зная о советской действительности, стремились на родину. Одними из первых, еще находясь в Болгарии, получили советское гражданство. К счастью, разрешение на репатриацию пришло только в 1955 году. Вернись мы раньше, и не факт, что автор этих строк занимался бы кейвингом, а не получил прописку на лесоповале, пополнив собой список неизвестных жертв ГУЛАГа.

Обошлось. И в моем крохотном мозгу отпечатались разрозненные картинки раннего детства.

... Вот полутемная комнатка, кровать в углу, я качаюсь на деревянном коне-качалке и вдруг – кувырк, бабах, лежу, кто-то подбегает, хватает на руки. Потом выяснилось, что у моего коня отломилась голова, и я совершил свой первый хороший полет на пол. Сколько мне? Около двух лет.

Так начиналось усвоение известной спелеоистины: "Рожденный ползать – летать не должен!"

... Море, песок, какие-то дядьки, и – мяч! Огромный, чуть не по пояс мне – прекрасный мяч, и я хочу ударить его ногой, как настоящий футболист, а все смеются, и высятся вокруг, как великаны. Я "тренируюсь" со сборной Болгарии по футболу в доме отдыха советского посольства в Панчерево. Мне – полтора года.

... И снова море, искры солнца на воде, и я, в оранжевом резиновом круге, плыву, а бабушка держит меня на веревочке у берега. И так хорошо! Варна – мне нет и полутора.

Дальше в прошлое – мгла: я был, но меня не было. Мы начинаемся для себя – в нашей памяти.

Что же в другую сторону – к настоящему?

... Вокзал. Вагоны-теплушки. Какие-то люди сидят на крышах. Почему на крышах? Может быть, это воспоминание из позднее увиденных фильмов про гражданскую войну? Мы сидим на перроне: Отец, дядя Гуга и я. Неожиданно поезд на путях перед нами медленно трогается. Дядя Гуга вскакивает, что-то торопливо говорит Отцу: потом пригибается и вдруг ныряет под движущийся вагон, который катится все быстрее. И пробегает под ним на другую сторону состава!..

Мы едем в СССР.

... А вот и ветряк! У колодца, на ажурной вышке, крутится ветряной двигатель: большущий пропеллер – моя любовь первых дней на советской земле. Ставропольщина, степной совхоз, куда нас случайно занесло. Маленький домик, белые комнатки, вода в жестяном ведре на цепи "журавля". И ветряк!

А потом был шахтерский городок на Востоке Казахстана – Риддер, переименованный советами в Лениногорск, куда отец с радостью переехал по зову друзей-шахтеров из числа товарищей по репатриации. Без сожаления покинув чуждые горожанину Сальские степи.

Что считать Родиной – место, где ты родился, или землю, где живет твой народ?

Что считать своим народом? Чью кровь?

Рассматриваю свое генеалогическое древо и веселюсь. Здесь и русские, и поляки, и французы, и татары, и итальянцы – да мало ли кто влил животворную каплю своей крови в жилы будущих потомков в незапамятные времена? Родился в Болгарии, живу в Казахстане, жена еврейка, по паспорту и языку русский, друзья по кейвингу – всех национальностей.

Недалек и преступен кичащийся своей кровью, разрезом глаз или цветом кожи. Еще безрассуднее – вызывающий к вражде из-за эфемерных идей или вероисповеданий. Национальная, тем более религиозная, гордыня – бред умалишенного. Память предков, культура и искусство, постижение истории своего народа – все это достойно уважения, но никак не повод для самовозвеличивания. Национализм всегда был уделом духовно нищих, но, прежде всего – орудием политики: самого лживого и нечистоплотного занятия из всех видов человеческой деятельности.

Кейвинг – вот наш Бог, наше вероисповедание, наше приложение на земле. Не един, но сущ.

Спелеология, интернациональная по самой природе пещер, сближает нас, дает возможность лучше понять друг друга, ощутить радость всечеловеческой общности в движении к общей цели.

Будущее Человечества, если оно есть, – в подобном единстве и сотрудничестве, Мы должны понять это, если хотим жить, а не исчезнуть во Вселенной по собственной глупости.

* * *

Горно-рудное болгаро-советское общество (ГОРУБСО), где Отцу привелось начать свою шахтерскую деятельность, включало в себя несколько полиметаллических рудников с жильным и метасоматическим (*88) залеганием руд. Богатство этих месторождений полиметаллами было известно еще древнему Риму. Не раз современные штреки натывались на старинные выработки. Бывало, что шахтеры выносили на гора окаменевшую деревянную миску или цепи невольников.

Однажды на руднике "Страшимир" исчез товарищ Отца коллектор Константин Мохов. Пошел на документирование вновь пройденной выработки и не вернулся в срок. Хватились, конечно. Но как искать человека в лабиринте шахты, где современные штреки сплетаются с древними выработками неведомых эпох? Переполох, понятно, поднялся изрядный. А коллектор, к счастью, не погиб, не заблудился. И даже, как выяснилось, не заметил своего длительного отсутствия. В стене только что отпаленного (*89) забоя Мохов заметил щель. Совсем немного усилий, и перед глазами изумленного счастливицы открылся лаз в темноту. Мохов нашел каверну – естественную пустоту в горной породе, заполненную диковинными кристаллами. Четырнадцать часов пронесли, как одна минута. Зачарованный, рассматривал коллектор открывшееся ему чудо, выкалывал лучшие образцы. Что делать! Сокровищница природы лежала в рудном теле и жить ей оставалось только до следующей отпалки.

Кто из нас в детстве не зачитывался фантастическими путешествиями, описанными в книге Адамова "Победители недр", когда подземный супер-снаряд врезался в подобную, заполненную кристаллами, пустоту?

И вот...

...Ползем уже второй час. Это передвижение на локтях и коленях начинает становиться мучительным. Встать бы! Но ход, меандрируя, тянется поворот за поворотом, не давая не то что подняться в рост, а даже встать на четвереньки. Но зато стены! Периодически ложусь и, открыв рот, рассматриваю дендровидные красные кристаллы, будто морозным узором, покрывающие каждый дециметр этой пещеры. Ощущение такое, будто мухой ползешь по невиданной хрустальной вазе.

Наконец, лаз кончается, и можно принять вертикальное положение. Во все стороны расходятся причудливые ходы пещеры, усыпанные сверкающими в лучах наших фонарей кристаллами. Не сказка ли это?

Со стены свисает кристалл. Желтый на просвет и полупрозрачный. Величиной с табуретку. Более поэтического сравнения почему-то не находится. Слоистый гипс или ангидрид?

...После нескольких часов работы в пещере мы давно отупели от этого кристаллического великолепия. Пора возвращаться. Мы не захватили с собой воды, и теперь всех мучает жажда. В 100-процентной влажности этого лабиринта запросто можно помереть от обезвоживания. Пора идти, но "приятная" перспектива трехчасового передвижения ползком по входному лазу невольно заставляет нас оттягивать начало этого испытания.

– Ничего! – утешали друзья-одесситы перед нашим знакомством с гипсовыми лабиринтами Подолии. – Здесь входные шкуродеры невелики. В Ветровой (где мы сейчас находимся) – только 400 метров на животе, в Оптимистической – и того меньше. А вот внутри есть ходик! Метров 600 ползучки. Знаете, как называли? Ход имени "КПК" – Коммунистической партии Китая!

Что ж, по тем временам – конец 70-х, название не кажется необычным. Но вот длина!

Позднее, после меандров Пантюхинской, нам это тоже не стало казаться чем-то примечательным. Но все же...

* * *

Пещера Кристалльная в Подолии была открыта для экскурсантов одной из первых. Результат налицо. Вдоль основного хода сверкающие щеточки ее кристаллов уже изрядно затерты и обломаны. Почему человеку свойственно уничтожать прекрасное – походя, без всякого смысла? Ради сиюминутной забавы?

Формы пещерных кристаллических образований порой превосходят любые потуги воображения. Особенно, если речь заходит о бесценной сокровищнице пещер Кугитанга. Как они возникают?

На Кугитангтау, приграничном Афганистану хребте Туркмении, находятся уникальные, почти не имеющие аналогов в Мировом гидротермальном поясе, гидротермальные пещеры. Пытаясь описать кристаллическое убранство Карлукских (по названию близлежащего кишлака) пещер, начинаешь ощущать бессилие одного из самых богатых, по утверждению лингвистов, языков – русского. Может быть, великолепие этих подземных дворцов можно выразить музыкой?

В одной из пещер района – Хошим-Ойыке, мы заблудились.

Хошим Ойык, Хошм Ойык, Хошим Ойык – по-разному называют знаменитую пещеру, играя непередаваемым сочетанием звуков. Так вот мы заблудились. Нет, не в лабиринте, какими достаточно богаты многие из пещер Кугитанга. Мы заблудились в лесу из... каменных "деревьев". Многометровой высоты белоснежные колонны сталагмитов подпирают своды обширного подземного зала пещеры, точных контуров и границ которого до сих пор не знает никто. Мохнатые кристаллические лапы каменных "елей" нависают над полом. На концах ветвей, как слезы, прозрачные иглы и шпильки гипсовых кристаллов.

Мы бродили по сверкающему в свете фонарей каменному лесу, стараясь восстановить утраченную ориентацию, и... не спешили с этим. Потому что, если найти дорогу к выходу, то придется уходить из этой пещеры, будто сошедшей к нам из детских сказочных снов.

В другой пещере – Таш-Юрак, изумляют невесть как прилепившиеся к сводам "люстры" мохнатых кристаллических образований. Иногда они напоминают куриные лапы с белоснежными когтями в несколько метров размахом, иногда – диковинные водоросли.

Еще великолепнее убранство пещеры, носящей разные названия: Белоснежка, Зимняя, Геофизическая.

Среди этой сказки чувствуешь себя муравьем, случайно заползшим на праздник Троллей: высыпавших сокровища друг другу на обозрение и похваляющихся своим могуществом.

Но не только размерами кристаллических образований прекрасен Кугитанг. Куда ни кинь взгляд, стены и потолки поросли каменной "травой". Вьются каменные стебли гелектитов и эксцентриков. Вопреки силам земного притяжения растут вверх, вбок, завиваются штопором, переплетаются, сростаются друг с другом, сверкают. Невообразимый праздник Природы!

В одном из дальних ходов привелось нам увидеть и другое чудо – каменные кристаллические волосы. Тончайшие кристаллы "растут" прямо на глине, колышутся от тока воздуха, под собственной тяжестью склоняются дугами к земле. Длина их

достигает 60 сантиметров при толщине куда меньше спички. Кристаллическая "вата", "сено"...

Как назвать то, что не поддается названию?

* * *

Каждый, кто заглянул в Подземную Обитель Удивительных Форм, не раз задавался вопросом – как возникло все это?

Испаряется капелька, выделяются, выпадают в осадок растворенные в воде минералы – растет с потолка сталактит. Расплескиваются по полу пещеры упавшие капли, стекают, высыхают, оставляя осадок – возникают сталагмиты разнообразнейших форм и конфигураций. Взгляд поражают башни в несколько метров высотой. Сколько же миллиардов капель должно было упасть, чтобы выросло такое чудо?

На срезе многих натечных образований видны сезонные кольца, как на дереве. Вот только подсчитать по ним возраст не получается. Судите сами – засуха на земле, перестала идти вода, хоть десять тысяч лет будет длиться пауза, а сталактит ждет. Но вот изменился на планете климат, пошли дожди, и снова прибавляются кольца, растут натеки: на стенах – драпировки, вдоль трещин – занавеси, "флаги", мелодично звенящие натечные каскады.

Может случиться обратное – изменится активность воды, и натеки начнут растворяться, исчезать. Особенно влияет на этот процесс развитие промышленности. Тонны кислот, извергаемых в атмосферу, выпадают кислыми дождями, уничтожающими натечное убранство пещер. Сегодня перед карстововедами во весь рост встает проблема изучения, так называемого, техногенного карста.

В конце семидесятых кто-то из пермских спелеологов рассказывал мне об экспедиции в уральскую пещеру под названием "Золотой каньон". Пещера открылась и стремительно развивалась под воздействием кислотных отходов близрасположенного предприятия. Промышленные стоки сливались в карстовую воронку за территорией, и пещера стремительно росла. Ржавые отложения на стенах послужили поводом для ее названия. Даже лестницы из стального троса ржавели после нескольких часов пребывания в этой пещере. Вот он – техногенный карст в апофеозе.

Интересна загадка телектитов – вычурных каменных волос, стеблей, спиралевидных наростов, напоминающих заросли травы или путаницу макаронин. До сих пор нет единого мнения о механизмах образования этого завораживающего многообразием форм творения природы.

Не менее прекрасны и удивительны растущие в пещерных озерах кораллиты и кристаллититы – образования, очень похожие на морские кораллы. За счет интенсивного испарения воды, на поверхности некоторых озер возникают плавучие кальцитовые корочки, которые постепенно тонут под собственным весом, покрывая дно таких водоемов чистой белизны кристаллическим "снегом".

В проточных гуровых ванночках можно обнаружить пизолиты – "пещерный жемчуг", белые каменные горошины, шарики неправильной формы и, порой, внушительных размеров. Как песчинка на мантии моллюска обрастает арагонитовыми пленочками, порождая жемчужину, так песчинки и камешки в слабопроточных ванночках время от времени переворачиваются течением, постепенно обрастая известковым налетом. Жемчужного блеска, правда, нет, но все остальное – в наличии.

Трудно перечислить все виды и формы вторичных образований пещер. Известковые туфы, выносимые подземными водами на поверхность, издавна ценились как строительный материал, красивый и легкий в обработке.

Переотложение растворенных водой горных пород порождает то внешнее великолепие, делающее пещеры привлекательными для ценителей красоты. Но эти же процессы являются одними из виновников разрушения и, в конечном итоге, гибели пещер.

"Ничто не вечно под луною". Увы – верно замечено.

И хотя век пещеры не сравнить с веком их исследователей, все же и он имеет конец. С уходом текущей воды, прекращается рост пещеры, и начинается заполнение ее пустот натечными образованиями. Постепенно обрушиваются перекрытия между этажами, проваливаются своды, образуются новые входы с поверхности земли, перекрываются обвалами и натечными пробками галереи, заполняются глиной ходы, пещера расчленяется на отдельные части.

Это естественное умирание пещеры. Страшнее, если ее гибель безвременна.

* * *

В сотне километров от Карлюкских пещер (довольно близко по азиатским масштабам) находится еще одна уникальная пещера с романтическим названием Фата-Моргана или Гаурдакская. Здесь воочию убеждаешься в близости зоны вулканической активности. Признаки ее встречаются в пещере на каждом шагу: ванночки с растворами кислот, абсолютно непригодными для питья, радужно окрашенные кристаллы совершенно не пещерных минералов, сочащиеся из трещин горячие испарения и газы, тяжелый для дыхания загазованный жаркий воздух подземелий пещеры.

Пещера уникальна. И... находится на грани гибели. Зауряднейший каменный карьер постепенно уничтожает редчайшее образование природы. Да не все ли равно, где брать эту проклятую щебенку? Ведь гибнет то, чего больше нет, и не будет на нашей многострадальной Земле!

Нет такого больше нигде в мире. Нет!!!

Тем, кто делает щебень – на это плевать.

Карлюкские пещеры хранят на своем теле рваные шрамы незаживающих ран, оставленных руками охотников за сиюминутной наживой. Подъезжают к пещерам машины, выходят из машин люди. Не озираются воровато, идут, как в свою квартиру. Входят в просторные входы и штольни с кувалдами, ломами, пилами, молотками. Выходят – с мешками податливого кальцитового оникса. Не туристы или спелеологи – местные добытчики, браконьеры.

Пещерный оникс – прекрасной красоты поделочный камень. Одна беда: он мягок и недолговечен. Из тонны отбитой покореженной природы отберут несколько килограммов, выточат красивый подсвечник, вазу или пепельницу. И продадут. Покупатель найдется.

Почем он, кусок некогда вечной Природы?

* * *

Люди! Что мы делаем?

Разобьются вазы, сделанные из украденного у пещеры оникса, будут потрачены деньги – бумага, удел которой тлен.

Умрут все – и расхитители, и равнодушные, и борцы за справедливость.

А пещеры останутся.

Какими они достанутся нашим детям? Нашим внукам? Правнукам?

Вот такими, покалеченными до неузнаваемости, или в перевозданной своей прелести?

Увидят ли потомки вот эту, очищающую душу, красоту?

Где будут черпать доброту друг к другу и миру, в котором им предстоит жить, если мы оставим им в наследство только осколки бывшего великолепия Природы?

А если не увидят они красоты природы, тогда зачем мы идем по этой дороге?

Ради сиюминутного самопознания и утверждения себя в себе и перед другими?

Задумайтесь, люди...

Еще не поздно! В глубинах пещер, тщательно оберегаемых истинными членами Ордена Спелеологов от преступных охотников за сувенирами, еще сохранились уголки нетронутой природы.

Еще не поздно...

Пока.

* * *

Осенью 1988 года, впервые в истории советского кейвинга, по частному приглашению президента МСС мистера Форда трое советских спелеологов посетили Соединенные Штаты Америки. В числе счастливых были: старейшина советской спелеологии В.Н.Дублянский и двое моих товарищей по кейвингу – москвич Владимир Киселев и киевлянин Александр Климчук.

Понятно, что мы с любопытством ожидали их возвращения и рассказов о неведомой спелеологической "загранице".

Климчук и Киселев – это действительно достойные представители советского кейвинга. Их спелеологическая судьба складывалась благоприятно. Оба не были новичками ни в пещерах (чем от большинства из нас не отличались), ни в заграничных поездках (в чем отличались значительно!). В частности, под эгидой Академии Наук СССР все трое участвовали в исследованиях пещеры Соф-Омар на территории Эфиопии. Большинству из нас это и сегодня только снится.

Итак, наши – в Америке.

– Что тебе больше всего запомнилось, поразило? – с ухватками заправского журналиста вцепился я в Климчука при нашей первой после их возвращения встрече в Москве. – Рассказывай, не томи!

– Знаешь... – Саша помолчал. – Не поверишь, но больше всего меня поразила их доброжелательность... американцев. Понимаешь? Вот уже два месяца как приехал, а все не могу снова начать по-нашему собачиться на работе, в магазинах, автобусах. Откуда в нас эта злость?

"От нищеты, – подумал я. – Нищета материи порождает нищету духа..."

– В пещерах у них строго. – рассказывал Киселев. – Не редкость оборудованный специальной бетонной трубой вход, крышка-дверь с замком. Особенно, если входы в пещеру расположены в частных землевладениях. Чаще всего хозяева не препятствуют посещениям – смотри, но соблюдай правила. Например, под землей не разрешается курить. По основным проходам проложены яркие маркировочные шнуры: ходи по тропинке, не топчи нетронутую глину где попало, не нарушай излишне облик пещеры. Пещера останется и после нас, и потомки должны увидеть ее такой же, как и мы. Ведь мы не лучше их, правда?

– Даже для мочи – специальные бутылочки выдают! – усмехается Климчук. – Нам – дикарям, чудно с непривычки!

Не везде в Америке такие строгие правила. Только там, где это действительно может нанести непоправимый урон природе, а значит – достоинству нации. Там умеют считать. Считать на много лет вперед. И не только деньги.

У нас... Иногда первопроходцы пытаются своими силами замуровать вход в пещеру или систему ходов, особо уникальных по своему кристаллическому убранству. Скрывают информацию о местонахождении пещер. Чаще всего эти попытки спасти их от расхищения – тщетны. Замки взламывают, бетонные пробки, как в известной пещере Эмине-Баир-Хосар в Крыму – взрывают.

Пока человек не возвысится душой до понимания прекрасного, его не остановишь запретами и примитивными преградами. Особенно, если само государство остается равнодушным к своим подземным территориям.

Но иногда... Иногда не знаешь – может быть, лучше, чтобы государство вообще не вспоминало об этих территориях, чем вспомнило о них только для того, чтобы сделать навсегда недоступными. Одной из уродливейших форм защиты природы, вернее, ее псевдозащиты, была (да и остается) советская система природных заповедников, заказников и прочих территорий со статусом ограниченного посещения.

Что такое – заповедник? В заповедник не ступает нога постороннего человека. Посторонних – читай, наша: нога, обычных, рядовых граждан. Но уж никак не "избранных" – из паразитического клана "вождей"!

Как хочется, чтобы когда-нибудь, читая эти строки, мой Внимательный и Заинтересованный Читатель удивился: "О чем это здесь?"

Как хочется, чтобы мы научились, наконец, беречь свою колыбель, свою Землю не на словах, а на деле!

* * *

Одно из сильных впечатлений после пещер Кугитанга – пыль. Мертвым слоем лежит она на полу, стенах, прекрасных гипсовых и кальцитовых изваяниях, вышедших из-под резца некогда властвовавшей здесь воды. Вода и сейчас проступает местами: озерами ли теплой воды, капельками ли на кончиках сталактитов. Но чаще – пыль.

Пещерная пыль, как пыль Времени, как пыль Вечности, хранит наши следы. И будет хранить почти вечно, если...

* * *

Рухнувший в пыль сахарный город –

Это Хошим-Оюк.

Нас слишком много

Для твоих сводов,

Старый печальный друг.

Старость – не радость,

Старость приходит,

Если уйдет вода.

Здесь тишина такая – послушай:

Так умирают горные души –
Белые города.
Дружно проходим, веско ступаем
Крошечном красоты,
В ноги упавшие, приминаем
Гипсовые хребты.
За красотой спешим не просто –
Нет ни свободных минут, ни рук:
Мы – на погосте, громкие гости
Града Хошим-Ожк.

Он нам простит
И белые блицы,
И суету сует,
И то,
Что мы,
Позабыв проститься,
Выйдем на белый свет.

И то,
Что скажем:
– "Бывает лучше!"
Пыль умывая с рук.
Рухнувший в пыль
Сахарный город –
Это
Хошим-Ожк.

* * *

Не стану заканчивать эту главу на минорной ноте.

Будто в противовес вечной пыли, пещеры дарят нам встречи с образованиями, время жизни которых часто измеряется днями и месяцами. Творец их – пещерный лед.

Лед – еще одно из удивительных украшений пещеры. Такой обыденный на земле, лед придает подземному миру своеобразное очарование. Холодный воздух опускается в глубины пещер, и вода замерзает, превращаясь в прекрасные изваяния. Эфемерные ледяные кристаллы украшают привходовые части многих пещер, особенно в холодные зимы. Широко известная Кунгурская ледяная пещера на Северном Урале, к примеру, приобрела свою популярность именно благодаря ледяному наряду двух-трех ее привходовых гротов. В остальном – это вполне заурядная, лишенная натечного убранства полость.

Как часто повседневность обедняет наше восприятие! Как часто мы не в силах оценить то, что имеем, за суетой текучки не замечая скудно отпущенные нам мгновения прекрасного.

Мы ахаем от видов Австрии или Франции, равнодушно скользя взглядом по не менее эффектным пейзажам Восточного Казахстана или Приамурья – мы здесь живем, мы привыкли.

Мы прищелкиваем языками при виде телегероинь, а рядом наши девушки и жены, порой, не менее, если не более, привлекательны – но мы видим их каждый день!

Мы отмечаем ледяные образования на наших улицах словами: "Вот гололед-то какой! И чего не подсыплют вовремя?" или "Ишь,росло... Как бы на голову не упало!"

Но в глубине земли мы не можем противостоять их очарованию.

---

*88 МЕТАСОМАТИЧЕСКИЕ месторождения определяют залегание руды отдельными массивами, вкраплениями руды, и происходят в результате постепенного замещения одних минералов горной породы другими за счет воздействия на нее расплава магмы или растворов, циркулирующих в земной коре или на ее поверхности.

*89 ОТПАЛКА – взрыв в забое при добыче руды.